

Министерство культуры Республики Крым
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Республики Крым
«Крымский университет культуры, искусств и туризма»

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

№ 22 (2020)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АНТИКЕВА
Симферополь
2020

УДК 9; 94(3); 930.27

Ф. В. Шелов-Коведяев

БОСПОР И СИНОПА

BOSPORUS AND SINOPE

Аннотация. В статье излагаются новый боспорский декрет из раскопок 2018 г., датится анатис боспоро-синопских отношений и положения Синопы в Причерноморье, а также высказывается гипотеза о том, что в качестве властей – восстановителей Пантикеапея после неурядиц конца первой четверти IV в. до Р. Х. могла выступить коллегия мальтов во главе с эсмичемом и что тот, кто отправлял эту должность 42 года спустя, мог стать первым тираном Боспора.

Ключевые слова: декрет, Боспор, Синопа, мальты, эсмичем, тиран, полис.

I

Декрет из раскопок Пантикеапея 2018 года

Артефакт

В августе 2018 г. в ходе разысканий на горе Митридат в Керчи в смешанном слое был найден небольшой неправильной ромбовидной формы фрагмент каменной плитки с обрывками двух строк греческой надписи (ПАН-2018, отпись № 2). Его размеры (были сняты им F. Felde): вверху – 78 мм, внизу (читая линию излома) – 97 мм, справа – 82 мм, слева (по изгибу) – 90 мм¹.

Мрамор белый, мелкозернистый, чуть тронутый светло-жёлтой патиной. Лицевая и тыльная поверхности тщательно заглажены. Толщина – 21 мм. Высота букв – 15 мм, ширина – 12–15 мм. Расстояние между ними – 2–5 мм. Первую строку предваряет отступ, ныне равный максимально 33 мм.

Толщина пластинки свидетельствует, что она была предназначена к депонированию в полисном архиве (см.: Bull. ép. 62, 10 р. 131; 76, 191). Ещё А. Вильхельм пришёл к выводу, что лишь малая часть псевдизм и по специальному решению вырезалась из стелах, притом в сокращённом, по сравнению с оригиналом, варианте, а смыслу при переводе в материал уделялось больше внимания, чем точному следованию рукописи ([31, S. 230 ff.], cf. Bull. ép. 61, 154 р. 141). Г. Кляффенбах, развивая его наблюдения, отметил, что плитки, отправлявшиеся в хранилище, тоже назывались та леохордо, а в качестве депозитария выступали булевтерий и/или храм ([23, S. 5–25], cf. Bull. ép. 61, 154 р. 140). Доказательство существования в IV в. до Р. Х. такого способа хранения в Пантикеапея – само по себе замечательный факт.

¹ Исследование благодарю руководителя Боспорской (Пантикеапской) археологической экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина (Москва) В. П. Толстикова за предоставленное мною право публикации.

Надпись

Взаимное расположение графем в стихах 1–2, с учётом стандарта формул эпиграфики боспорских декретов и того, что *богата* регулярно занимает половину ме-

ста обычной буквы, даёт следующее чтение 21-го сохранившегося в камне решения боспорских правителей:

№ строки	Лакуна	Текст	Лакуна	Длина
	слеза		справа	строки
1	6 (5) 4–5	[Παρισ]άβης και π[αῖες - τοῦ βεῖου -] [- - ε.г. κ]ράτος Συ[πολεῖ και ἐσγόνοις]	13.5 15 (13.5)	28 (26) 29 (27)

[Боспор кт.л.]

«Перисад и сыновья *такаму-то*, сыну ~врага/~страта, синопейцу, и его потомству *даровати* и т. д.».

арр.стл. курсивом в греческом стилены не полностью сохранившиеся линьи, в переводе – дополнения; в скобках указаны размеры линий строк с поправкой на количество букв; в конце стк. 2 заметка верхний уголок ико (см. рисунок).

ЛИ в 10–11 знаков в номинативе обычны для греков. В частности, в Пантиканее из надгробия IV в. до Р. Х. известен синопеец [Μ]ητ[ρό]ο[θ]ος (в версии первоиздателя В. В. Шкорпила) или [Μ]ητ[ρόπι]ος (? по И. И. Толстому – см. КБН 208).

Синопеи на Боспоре

Наш *имярек* ~кратов/~стратов поставляет далеко не первое упоминание Синопы и её уроженцев в эпиграфике боспорской столицы. Кроме, разумеется, публикуемого камня и КБН 208.

В трёх стихотворных эпиграфиках представлены – учитель гимнастики Фарнак Фарнаков (КБН 129: не позднее I в. до Р. Х.); девица Теофила Гекзитеева, невеста Менофила (КБН 130: вторая половина I в. до Р. Х. – первая половина I в. от Р. Х.); сражённый в некоей стычке копьём 61-летний Менодор Аполлониев

(КБН 131: вторая половина I в. до Р. Х. – первая половина I в. от Р. Х.). Синопа ставит в Пантиканее статую Савромата I (годы правления: 93–123) с латинской надписью S(иоре) c(олония) I(ulia) F(elix) – КБН 46. Кроме того, от 124 г. от Р. Х. дошло надгробие Игнатия Онесифора (КБН 703а), от конца II – начала III в. – Ти(бери) Клавдия Мениппиона (КБН 733).

Однако новый памятник имеет особую ценность. Во-первых, он самый ранний. Во-вторых – первый *декрет*.

Боспор и Южный Понт

Богатое эпиграфическое наследие (шесть надгробий, декрет и вотив) отражает интенсивность боспоро-синопских отношений на протяжении около 600 лет – со второй половины IV в. до Р. Х. по первую половину III в. от Р. Х. Количество амфорных клейм и тары говорит о размахе торговли.

Из центров Южного Причерноморья в активных сношениях с Боспором заметны также Амис и Гераклея.

Перисад I предоставляет амисенцу (КБН 1: по справедливому замечанию А. И. Доватура (КБН, с. 13), в пирейце здесь следует разуметь граждана Амиса) прояснению, освобождение от

пошлин (ателию) и применения к нему права захвата (асилию). Выходцы из Амиса находят своё упокоение в Пантиканее с III в. до Р. Х. (КБН 249 и 250) до первой половины I в. от Р. Х. (КБН 530).

Нараду с тем, что Гераклея (очевидно, в интересах экономической конкуренции с Синопой за Крым) отметилась на стороне Феодосии в её борьбе за независимость от династии Спартокидов (полную сводку источников см. [10, с. 115–124]), гераклеоты присутствуют и отходят в мир иной в том же IV в. до Р. Х. в Нимфеи (КБН 923 и 925) и Горгиппии (КБН 1193), в III в. до Р. Х. – в столице

*Боспорский дакрий из раскопок 2018 г. в Пантикелии.
Съемка В. П. Голстюхова. Фото из отчёта В. П. Голстюхова о раскопках
Боспорской (Пантикелийской) археологической экспедиции
ГМЭИ им. А. С. Цвиллинга в 2018 г. (ПАН-2018, отчёт № 2)*

Боспора (КБН 246), а в III в. от Р. Х. ставят в Пантикелии статуи своих благодетелей – Рескупорида V (КБН 59; 250 г.) и управляющего его резиденцией (КБН 58; 249 г.). Гераклейский импорт, как и повсюду в циркумпонтийской зоне, также представлен на Боспоре весьма впечатляюще.

Впрочем, Синопа всё же всех опережает. Во-первых, количеством лапидарных памятников. Во-вторых, пышностью достаточно многочисленных стихотворных (у её соседей их вовсе нет) эпитафий. Да и простое надгробие КБН 208 хронологически лидирует среди ему подобных у амисенцев и гераклеотов.

Синопа в истории Причерноморья

Здесь не место углубляться в историю возникновения милетской Синопы. Замету лишь, что, несмотря на диаметральные – от первой половины VIII [27, р. 148; 26, р. 191–192; 5, с. 42–43; 28, р. 117, 119–120; 18, С. 41; 20, р. 33, 35, 42; 22, р. 68; 24, р. 569 sqq.; 16, р. 75] до последней четверти VII в. до Р. Х. [21, С. 315, 329–330; 17, р. 69–71, 74; 6, с. 45] – точки зрения, причём подчас у одного и того же автора [20 vs Iwanschik 21 и 22], а то и в одной и той же работе [26, р. 191–192 vs 194; 20, р. 33 эш. vs 35 et 44; 24, р. 567 sqq. vs 572, cf. 25, р. 82], компромисс между ними может быть найден.

Конечно, соблазнительно на первый взгляд считать, что важнейшие колонии

Милета – Синопа, Истрия, Ольвия (Березань), Пантикелий, возможно, Фанагория [13] – появились в Понте практически одновременно за полсотни лет от середины до конца VII или рубежа VII–VI вв. до Р. Х.

Однако правы те, кто склонны придавать базовое значение тому, что Синопа в трудах древних занимала особое место, считалась славнейшей, наиболее известной и важной апойкией Южного Понта [27, 132–133; 5, с. 36, 39 и др.; 24, р. 563]. Недаром, например, для Страбона (Strabo 1. 46; 2. 74) всё Южное Причерноморье – Синопское побережье (ср. [27, р. 135]).

Дело тут не только в происхождении географа из тех краёв, размахе синопской

торговли от Колхиды и других побережий Чёрного моря через всю Эгейду и материиковую Грецию до Египта (ср. [27, р. 135]), доминировании (*Priscian. 751*) в известное время синопского флота в Понте (см. [27, р. 134]) и реперного положения (оно скорее следствие предыдущего) Синопы в географических расчётах [27, р. 135]. Но и в весьма большой вероятности существования в ней дюйх греческих колонизационных волн [26, р. 192, 194; 18, С. 41, 49; 20, р. 42; 22, р. 68, 71; 16, р. 75].

Нельзя пренебречь сведениями о Синопе и её районе у Эвимела Коринфского (вторая половина VII в. до Р. Х.); о том, что Геродот (*Hdt. 4. 12*) считал её «штаб-квартирой» киммерийцев; об основании, согласно Евсевию, Трапезунта Синопой в 756 г. до Р. Х.; о том, что, по Полибию (*Polyb. 4. 56*), синопский полис был восстановлен после киммерийского разгрома (ср. [27, р. 133, 148–149; 26, р. 191; 5, с. 36; 28, р. 117; 20, р. 34–35, 42; 22, р. 68]).

Не стоит и припазить, хотя это до сих пор и делается [21, С. 315; 17, р. 71, 74; 25, р. 82; 6, с. 45; ср. 24, р. 568], слишком большого значения отсутствию там археологического материала, предшествующего последней четверти VII в. до Р. Х. Ведь история раскопок Синопы Э. Акургалом и Л. Будде в 1951–1953 гг., не оставившая даже планов и достаточного количества иллюстраций (см. [17, р. 74]), в условиях современного города и существования в нём налагающей жёсткие ограничения на исследования и их фиксацию военно-морской базы Турции (и *ergo НАТО*), весьма скромна по объёмам и потому нерепрезентативна по результатам. Значит, считать последние решающим фактором не приходится.

Наоборот, заслуживает всяческого внимания археология иного рода. Синопа – единственная хорошо укрытая гавань на всём южнопонтийском побережье [5, с. 36], что объясняет выдающуюся роль, сыгранную ею в период милетской колонизации [5, с. 45; 29, р. 118; 18, С. 49].

Не возымусь вместе с М. И. Ростовцевым [29, р. 63] утверждать, что милетские переселенцы попали на Боспор по

кратчайшему пути через Чёрное море – из Синопы. Но ведь находки (Усатово, Бородинский клад) указывают на связи Северо-Западного Причерноморья с Эгейдой уже во II тыс. до Р. Х. [5, с. 42]. О раннеантичной торговой активности в Понте предлагают задуматься невозможное без знания района Нижнего Дуная имя *Ιστρούϊς* в граффито середины VII в. до Р. Х. из слов Старой Смирны [18, С. 49], субгеометрическая керамика с Березани, ранняя родосская – с Немировского городища, коринфская расписная переходного стиля – с юга России [28, р. 118–119; cf. 117]. А знаменитая обноха из кургана на Темир-горе показывает, что и Восточный Крым был хорошо известен около 630 г. до Р. Х. [28, р. 118, 123].

Неудивительно, ведь эллинскому мореплавству предшествуют плотные контакты Юго-Восточного и Западного Причерноморья, особенно интенсивные со второй половиной II тыс. до Р. Х. Именно тогда (а то и ранее) долгое поселение на месте Синопы оказывается связано с Балканами, Кавказом и Южнорусскими степями. Аборигены на своих лёгких судах ходят отсюда по всему восточному Чёрному морю и достигают даже Западного Понта [16, р. 73–74; 6, с. 45; ср. 5, с. 40–41].

Наконец, нельзя пройти мимо локальной религиозной традиции. Античные авторы сообщают о культе и оракуле в Синопе фессалийского героя, участника экспедиции аргонавтов и/или спутника Геракла, Автопика (*Strabo 12. 3. 11; Plut. Luc. XXXIII; App. Mithr. 83*), а эпиграфика фиксирует почитание его брата Флогия [5, с. 42; 18, С. 226; 24, р. 572]. Так что, если отрешиться от зауженного понимания материальной культуры, становится ясно, что область Синопы притягивала к себе греков задолго (выселок Хаброна был первым опытом [5, с. 42; 20, р. 33, 42; 24, р. 567]) до окончательного закрепления здесь милетской апойии [5, с. 36, 42; 24, р. 569 sqq.].

Появляется и причина центрального положения, занятого Синопой в милетской колонизации Понта [5, с. 37, 43, 45; 28, р. 119–120]. Предваряющая же втор-

рую половину VII в. до Р. Х. довольно долгая история визитов эллинов к месту будущего поиска объясняет размах собственно синопского освоения побережья (основания Китора, Котиоры, Керасунта, Трапезунта) и *Hinterland'a* [5, с. 36, 43; б, с. 46–48], да и возможное участие Синопы в заселении раннего Херсонеса Таврического [29, р. 63 (ср. [9, с. 246, 248–249]); 28, р. 120, 122; 30, р. 409 шн.; 21, S. 309–310].

Кроме того, полностью раскрываются предпосылки масштабов синопской торговли, мореплавания и влияния на распространение и развитие в Причерноморье милетских культурных и политических институтов. На этом фоне становится совершенно понятной причина столь плотных – окхватывающих не только деловую и официальную, но и учебную и семейную сферы (см. выше параграф «Синопийцы на Боспоре») – связей с Синопой Боспора.

II

К событиям начала и конца V в. до Р. Х. в Пантикееве

Постоянно подтверждая новыми данными, исключительная позиция Синопы среди милетских, и не только, колоний Понта призывает вернуться к осмыслению ряда вытекающих отсюда последствий. Как показал 40 лет тому назад Ю. Г. Виноградов [1; 2], их нельзя сводить лишь к тесным экономическим (недаром первый ольвийский декрет – НО 1, начала V в., – атея синопийцу, а интересное граффито открывает, что синопский импорт, в том числе стюцтис, красной охры, изначает расти с того же времени) связям с ней Западного и Северо-Западного Причерноморья как минимум с конца VI в. до Р. Х., к принятию в Ольвии изгнанного синопского тирана да и характерному совпадению пароотпра – орёл, клюющий/терзающий дельфина – Синопы, Истрии и Ольвии [1, с. 70, 79–80, 88–89; 2, с. 67; 18, S. 240].

Гораздо информативнее и важнее истинационные корреляции. Самые вышеназванные гербы, как и частная ольвийская отливка монетного суррогата – «дельфинчиков» [1, с. 54], указывают на почитание во всех трёх азиатских главного в Милете, хранителя его архиев [18, S. 57, 130, 142], Аполлона Дельфина. В ранней Ольвии он занимал такое же положение, как в метрополии, и жертвы ему возносили на древнейшем теменосе [1, с. 54; 18, S. 139, 164, 190].

На Боспоре его кульп давно выживлен в Германассе (КБН 1038: ср. [18, S. 142] и буквально только что [12, с. 113, прим. 18 и с. 114, рис. 5; 14, с. 216–218] –

в Пантикееве. Ономастика же говорит о его присутствии в Горгионии (КБН 1137Б2.7, ср. [18, S. 142]).

Боспорский материал требует обратить более пристальное внимание на «специализацию» Аполлона Дельфина (см. [19, S. 2–22; 3, с. 115]), а также на связанные с ним факты из политических практик Милета и его колоний. Божество в ипостаси Дельфина прямо связано с полисной организацией [18, S. 143; ср. 14, с. 217–218]. В Милете оно объединяет концепцию родовой (в источниках *οχρεσίς μαρβίς* называются семьи Оннадов и Эпименидов) аристократии – мольпов. Их глава, эсминет, около 650 г. до Р. Х. становится высшим магистратом – эпонимом – города [19, S. 7; 18, S. 134, 136, 139, 201 сл., ср. 130, 183; 3, с. 113].

Мольпы напрямую фигурируют в Айгиале (мольпархи) и Ольвии [18, S. 134, 142; 4, с. 49; 3, с. 114–115]. Эсминеты – в той же Ольвии (как и в Милете, они возглавляют мольпов и служат эпонимами) и на клеймах Синопы, из чего можно сделать вывод, что они занимали в ней тот же пост, что в Милете и Ольвии [18, S. 142, 195–196, 199–200; 3, с. 113–115]. Ноша, содержащие компоненту *Μοιλ-* и потому допускающие функционирование института мольпов, был в Проконнессе, Пантикееве (КБН 19 и 210), Кемах [7, с. 88 слл.] и Киосе [18, S. 134–135]. Более того, жреческий ранг кипского Мольпагора даёт основание гипотезе, что там существовал и эсминет.

Дельфинион в Ольвии тоже хранил полисный архив [18, S. 140; 3, с. 115]. Ранее я [14, с. 216–217] высказал мысль, что аналогичным депозитарием в Пантикеапе мог быть храм Аполлона Гүтрос. Однако, исходя из всего массива приведенных данных, теперь я не склонен исключать, что хранилищем полисных актов в столице Боспора было святилище Аполлона Дельфиния. Не такому ли принадлежат фрагменты раннего самосского ордера, которые традиционно (см. [8, с. 16–17 и 45–46, № 3–7]) принято связывать с первой фазой бытования на акрополе храма «Врача»?

And, last but not least. Эсминетия в Милете и его колониях изначально была предназначена для улаживания социальных распри и возвращения к «отеческим порядкам» (см. [3, с. 113 – с библиографией]). В Ольвии с её помощью был преодолён стасис, возникший из-за прибытия новой волны поселенцев из метрополии – эпойков – в первой четверти V в. до Р.Х. [2, с. 73]. Такие параллели вместе с вероятием (см. выше) существования коллегии мольпов (а значит, и эсминета) в Пантикеапе позволяет предположить, что фактически переосновавшими полис борьбой фракций – властями – восстановителями [11, с. 469 сл. (ср. Bull. ép. 76, 252: ἀναστάτως «гесо-constructio» в более позднее время)] – были именно мольпы с их эсминетом во главе.

В дальнейшем же реконструируемое как минимум для Пантикеапе и Кеп [18,

S. 142 ишв.] наличие в милетских апойкиях обоих берегов Керченского пролива единого института мольпов, по-видимому, могло внести весомую лепту в зарождение объединения (симмахии вначале?) боспорских полисов. Во всяком случае, позднейшее принесение в Синийскую Гавань/Горгишко культа Аполлона Дельфиния (ср. [18, S. 142]), с которым была неразрывно связана мольпова коллегия, явно обрисовывает подобную перспективу.

С другой стороны, должность эсминета часто бывала трамплином для достижения тиархии [15 Bd. I, S. 94 und Bd. II, S. 574; 18, S. 202; 3, с. 113]. Такая её история может прояснить природу не только прорыва к единоличной власти в 438/7 г. до Р.Х. Спартока I (фракийские имена его династии были бы находящей себе в эллинском мире аналогии традиции аристократического боспорского рода) – с первой позиции в коллегии мольпов (она, возвращив в 430 г. до Р.Х. полисную жизнь, продолжала руководить Пантикеапеем 42 года, передавая эсминетство от одного своего члена другому: отчего Диодор (Diод. 12, 31, 1) именно так, и никак иначе, пишет – «владеть получит» Спарток), – но и уникального в греческой практике явления: выдачи тиархами Боспора земель, проксений и политий (дарование которых ранее должны были контролировать мольпы) от своего имени.

-
1. Виноградов Ю. Г. Синопа и Ольвия в V в. до н. э. I // ВДИ. 1981. № 2. С. 65–90.
 2. Виноградов Ю. Г. Синопа и Ольвия в V в. до н. э. II // ВДИ. 1981. № 3. С. 49–75.
 3. Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса. Москва : Наука, 1989. 285 с. : ил.
 4. Карышевский П. О. Ольвийские мольпы // Северное Причерноморье. Киев : Наукова думка, 1984. С. 42–51.
 5. Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1956. 472 с., ил.
 6. Сирякин С. Ю. Древнее Причерноморье. Москва : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2018. 743 с.
 7. Сокольский Н. А. Культ Афродиты в Кепах конца VI–V в. до н. э. // ВДИ. 1973. № 4. С. 88–92.
 8. Толстиков В. П., Асташова Н. С., Ломтадзе Г. А., Самар О. Ю., Тугушева О. В. Древнейший Пантикеапей: От апойкии – к городу. Москва : Пере, 2017. 400 с., ил.
 9. Тюменев А. И. Херсонесские этюды // ВДИ. 1938. № 2. С. 245–275.
 10. Шелов-Коведзев Ф. В. История Боспора в VI–IV вв. до н. э. Москва : Наука, 1985. 187 с., ил.

11. Шелов-Коведяев Ф. В., Толстиков В. П. Боспор в первой четверти V в. до Р.Х. // ДБ. Т. 18. 2014. С. 452–504.
12. Шелов-Коведяев Ф. В. Прощание с Диагорой // Аристей. Т. 16. 2017. С. 107–115.
13. Шелов-Коведяев Ф. В. К раз�� истории Фанагории // ПИФК. 2018. № 3. С. 98–106.
14. Шелов-Коведяев Ф. В. Аполлон ИНПРОС и Артемида Пифийская // МАСП. 2019. Вып. 14. С. 216–224.
15. Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. Bd. I. München: C.H. Beck, 1967. XII+509 S. Bd. II. München: C.H. Beck, 1967. XII+285 S.
16. de Boer J. G. Sinope and Colchis: Colonisation, or Greek Population in «polis barbarorum» // The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd., 2015. P. 73–80.
17. Doonan O. P. Sinope Landscapes. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2004. 189 p., fig.
18. Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Fr.a Main-Bern-N.Y.: P Lang, 1983. 588 S. Abb. Taf.
19. Graf F. Apollon Delphinios // Muz. Helv. 1979. Bd. 36. H. 1. S. 2–22.
20. Ivantchik A. I. Les legends de la foundation de Sinope // REA. 1997. T. 99, n° 1–2. P. 33–45.
21. Ivantchik A. I. Die Gründung von Sinope und die Probleme der Anfangsphase der griechischen Kolonisation der Schwarze Meergebietes // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Stuttgart : Franz Steiner, 1998. S. 297–330.
22. Ivantchik A. I. Sinope et les Cimmériens // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2010. Vol. 16. P. 65–72.
23. Klaffenbach G. Bemerkungen zum griechische Urkundenwesen // Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprache. Bd. VI. 1960. S. 5–25.
24. Manoledakis M. On the Cults of Sinope and the Founders of the City // Ancient Sacral Monuments in the Black Sea. Thessaloniki : Kirakidis Brothers, 2010. P. 563–576.
25. Manoledakis M. Greek Colonies and the Southern Black Sea Hinterland // The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas. Oxford : Archaeopress Publishing Ltd., 2015. P. 81–89.
26. Miltner F. Die erste Milesische Kolonisation im Südponus // Anatolian Studies Presented to W.H. Buckler. Manchester : University Press, 1939. P. 191–196.
27. Robinson D. M. Ancient Sinope // AJPh. Vol. 27. No 2. P. 125–153.
28. Roebuck C. Ionian Trade and Colonization. N.Y. : Archaeological Institute of America, 1959. 148 p., fig.
29. Rostovtseff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford: Clarendon Press, 1922. XVI+260 p., Pl., fig.
30. Vinogradov Ju. G. Pontische Studien. Mainz : Ph. von Zabern, 1997. X+703 S. Taf.
31. Wilhelm A. Über die öffentliche Aufzeichnung von Urkunden // Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde. Wien : A. Hölder, 1909. S. 229–299.
1. Vinogradov Ju. G. Sinope and Olbia in V B.C. I // JAH. 1981. № 2. P. 65–90.
2. Vinogradov Ju. G. Sinope and Olbia in V B. C. II // JAH. 1981. № 3. P. 49–75.
3. Vinogradov Ju. G. Political History of the Olbian Polis. Moscow: Nauka Publ., 1989. 285 p., fig.
4. Karyshkovskii P. O. The Olbian Molpoi // North Shore of the Black Sea. Kiev : Naukova Dumka Publ., 1984. P. 42–51.
5. Maksimova M. I. Ancient Cities of the South-East Shore of the Black Sea. Moscow ; Leningrad : Academy of Sciences of the USSR. Publ., 1956. 472 p., fig.
6. Saprykin S. Yu. Ancient Black Sea Area. Moscow: Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2018. 743 p.
7. Sokol'ski N. A. Aphrodite's Cult in Kepoi at End of VI–V B. C. // JAH. 1973. № 4. P. 88–92.
8. Tolstikov V. P., Astashova N. S., Lomidze G. A., Samar O. Yu., Tugusheva O. V. The Oldest Pantikapaeum: From Apollonia – to City. Moscow : Pero Publ., 2017. 396 p., fig.
9. Tyumenev A. I. Chersonesos' Studies // JAH. 1938. № 2. P. 245–275.
10. Shelov-Kovedyaev F. V. History of Bosporus in VI–IV B. C. Moscow : Nauka Publ., 1985. 187 p., fig.
11. Shelov-Kovedyaev F. V., Tolstikov V. P. Bosporus in the first quarter of V B. C. // BA. Т. 18. 2014. P. 452–504.
12. Shelov-Kovedyaev F. V. Good-bye to Diagoria // Aristeas. Т. 16. 2017. P. 107–115.
13. Shelov-Kovedyaev F. V. For the Oldest History of Phanagoria // PHPHС. 2018. № 3. P. 98–106.

14. Shelov-Kovedyaev F. V. Apollo ΙΗΤΡΟΣ and Artemis Pythia // MASP. 2019. Issue 14. C. 216–224.
15. Berwe H. Die Tyrannis bei den Griechen. Bd. I. München: C.H. Beck, 1967. XII+509 S. Bd. II. München : C.H. Beck, 1967. XII+285 S.
16. de Boer J. G. Sinope and Colchis: Colonisation, or Greek Population in «poleis barbaron» // The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas. Oxford : Archaeopress Publishing Ltd., 2015. P. 73–80.
17. Doonan O. P. Sinope Landscapes. Philadelphia : University of Pennsylvania, 2004. 189 p., fig.
18. Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Fr.a Main-Bern-N.Y. : P. Lang, 1983. 588 S. Abb. Taf.
19. Graf F. Apollon Delphinios // Muz. Helv. 1979. Bd. 36. H. 1. S. 2–22.
20. Ivantchik A. I. Les legends de la foundation de Sinope // REA. 1997. T. 99, n° 1–2. P. 33–45.
21. Ivantchik A. I. Die Gründung von Sinope und die Probleme der Anfangsphase der griechischen Kolonisation der Schwarze Meergebiete // The Greek Colonization of the Black Sea Area. Stuttgart : Franz Steiner, 1998. S. 297–330.
22. Ivantchik A. I. Sinope et les Cimmériens // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2010. Vol. 16. P. 65–72.
23. Klaffenbach G. Bemerkungen zum griechische Urkundenwesen // Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprache. Bd. VI. 1960. S. 5–25.
24. Manoledakis M. On the Cults of Sinope and the Founders of the City // Ancient Sacral Monuments in the Black Sea. Thessaloniki : Kiriakidis Brothers, 2010. P. 563–576.
25. Manoledakis M. Greek Colonies and the Southern Black Sea Hinterland // The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd., 2015. P. 81–89.
26. Miltner F. Die erste Milesische Kolonisation im Südpointus // Anatolian Studies Presented to W. H. Buckler. Manchester : University Press, 1939. P. 191–196.
27. Robinson D. M. Ancient Sinope // AJPh. Vol. 27. No 2. P. 125–153.
28. Roebuck C. Ionian Trade and Colonization. N.Y.: Archaeological Institute of America, 1959. 148 p., fig.
29. Rostovtseff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford : Clarendon Press, 1922. XVI+260 p., Pl., fig.
30. Vinogradov Ju. G. Pontische Studien. Mainz : Ph. von Zabern, 1997. X+703 S. Taf.
31. Wilhelm A. Über die öffentliche Aufzeichnung von Urkunden // Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde. Wien : A. Hölder, 1909. S. 229–299.

Annotation. The Paper – (1) publishes the new Bosporan Decree from the Excavations of Pantikapaion in 2018, (2) analyzes the Relations between Bosporus and Sinope and the Position of Sinope in the Black Sea Area, (3) and formulates the Hypothesis that (4) the ἀρχαι ἀνεκτονιας of Pantikapaion at the End of First Quarter of V.B.C have been the Molpoi under Governance of Aizymnet and (5) the Person who was the Aizymnet 42 Years later can arrive to the Position of Tyrant.

Keywords: Decree, Bosporus, Sinope, Molpoi, Aizymnet, Tyrant, polis.